

Жуков, провза,
1982, 23 сент.

1982, сс

В детстве мы любили играть в куклы. Мы любим, когда куклы играют для нас.

Было это пятьдесят лет назад. Театр, в сущности, состоял из четырех человек. Мария Николаевна Елгаштина стала его первым режиссером. Но все здесь делали все: были и актерами, и декораторами, и скульпторами, и даже... лошадью. Денег на нее не было, и приходилось самим впрягаться в повозку и везти «Петрушек» к детям.

Все, происходящее тогда — и в жизни, и в мечте, — просилось на сцену. И появлялся «Петрушка-физкультурник», «Петрушка и доктор», «Петрушка на луне».

Потом уже не повозка, а кузов фронтальной машины стал ширмой кукольного театра уфимцев. И Петрушка бил поленом по голове «фюрера», и солдаты смеялись. Это было как напоминание из детства в тяжкие дни 43-го года под Ленинградом.

АФИША «АП»

Куклы живут на сцене

Государственному Башкирскому кукольному театру исполнилось десять лет. И все десять лет театр верно служил самому отзывчивому, самому доброму зрителю — детям.

Детям хочется стать участниками заманчивой взрослой жизни. Действие спектакля «Всадник, скачущий впереди» начинается с пионерской линейки в фойе театра. По торжественным дням перед встречей с Гайдаром октябрат здесь принимают в пионеры. И, получив как памятку последнее письмо Аркадия Гайдара (оно напечатано в программе, свернутой треугольником, как фронтальная весточка), дети идут в зал.

Взрослеют дети, взрослеет жизнь, и чтобы говорить со сцены, требуется новый язык.

«Мало кто верил в возможность сценической версии повести Чингиза Айтматова «Белый пароход». — рассказывает главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств БАССР Владимир Михайлович Штейн. — Я вспомнил слова Сергея Владимировича Образцова о том, что «на маленькие кукольные плечи» можно возложить «ношу большого искусства», но слышал в ответ: «академикам вольно утверждать и не такое». «Разве могут куклы сыграть психологическую драму?» — говорили знатоки. Знатоки ошиблись.

«Белый пароход» получил звание лауреата и дипломанта на Международном и Всесоюзном конкурсах.

...Когда в прологе спектакля «Не бросай огонь, Прометей!» (пьеса Мустая Карима) мы видим освещенные лица и протя-

нутые в темноте руки, мы понимаем, что перед нами и традиционный хор греческой трагедии, и в то же время наши современники, с болью размышляющие о судьбах Земли.

Боги античной мифологии похожи на детей. Но под пятой Зевса сонм богов безлик. Они, как дети, которых принуждают играть. Роли назначены и контролируются царем богов.

Большие партерные куклы в рост человека с неподвижными, застывшими лицами движутся плавно, исполняя предназначенный им ритуал.

И здесь рядом с куклами — живые актеры. Один из них Прометей (И. Капатов), другой — Зевс (П. Мельниченко).

Прометей срывает с себя маску, открывая свое человеческое лицо. Зевс надевает на себя золотую маску идола. В их противостоянии — главный конфликт пьесы.

Маленькие дети любят играть в куклы. Взрослеет, эти дети, как в куклы, играют друг с другом, они меняются ролями, спорят из-за них. А еще повзрослев, снимают друг с друга маски, под которыми проступают сомнения, боль, страдания. Но только тот, кто сам отказывается от нее, обнаружит подлинность своей души.

И что это за сила такая в кукле что кончается действие, в фойе музыка звучит, все лавры настуже, а зрители сидят как зачарованные и не могут глаз отвести от пламенной Агазии, возлюбленной Прометея?

С этим вопросом я ухожу из зала.

Уфа.

Н. ПОПОВА,
(Спец. корр. «АП»).